

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

© 1994 г. В.А. ПЛУНГЯН, Е.В. РАХИЛИНА

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ
ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

0. Вводные замечания.

Черта французской лингвистики, которая, может быть, в первую очередь поражает постороннего наблюдателя – это ее разнообразие. В отличие от многих других стран Европы, где, как правило, в теоретической лингвистике доминирует только одна научная школа, часто к тому же связанная с генеративным направлением (как в Голландии или Италии) или же самостоятельная (как "школа Дресслера" в Австрии), Франция в полной мере воплощает справедливость известного афоризма, что "лингвистик столько же, сколько лингвистов". Конечно, далеко не все из этих "лингвистик" хорошо известны за пределами Франции (в том числе и у нас), а некоторые и практически вовсе неизвестны; между тем, многие из них явно заслуживают большой популярности. Знакомство с французской лингвистикой тем более оправдано, что даже широко известные направления современной лингвистической теории (такие например, как генеративное или когнитивное) редко существуют во Франции в каноническом виде и обычно получают настолько своеобразное преломление на французской лингвистической почве, что с трудом оказываются узнаны и признаны своими "прародителями".

Настоящий обзор был задуман как панорама прежде всего общетеоретических школ и направлений; полностью или почти полностью за рамками нашего изложения остаются поэтому такие темы (бесспорно, заслуживающие отдельного обсуждения), как французская фонология и фонетика, большинство "частных" описательных лингвистик (например, богатейшие по своим традициям французские востоковедение и африканистика, славистика и др.), а также большинство смежных дисциплин (таких, как психолингвистика, история языка, семиотика и др.). Впрочем, в этом отношении будет сделано несколько важных исключений, связанных с тем, что французская теоретическая лингвистика почти во всех своих направлениях очень склонна как раз к междисциплинарной экспансии, своего рода "теоретической центробежности"¹.

По необходимости, мы в ряде случаев учитываем не только собственно французскую, но и франкоязычную лингвистику – прежде всего это касается некоторых научных центров Бельгии и Швейцарии, работающих в тесном контакте с Францией; однако преимущественное внимание уделено, естественно, французским (и даже, скорее, парижским) лингвистическим школам.

Разумеется, неполнота картины при такого рода замысле неизбежна. Укажем лишь, что при перечислении имен мы старались отдавать предпочтение лингвистам, являю-

¹ Здесь сказывается и господствующая структура научно-организационных связей, либо достаточно прочно удерживающих лингвистику в области традиционной филологии, либо – в более модернизированных структурах – подчиняющих ее требованиям информатики, искусственного интеллекта и т.п.

щимся авторами книг, а не только статей (хотя отнюдь не придерживались этого принципа догматически). Для удобства библиографических поисков (и учитывая сложность транслитерации) все имена при первом упоминании даются непосредственно во французской орфографии.

Документальную основу настоящего обзора образует составленная нами база данных по французской лингвистике и периодике за последние 25–30 лет; было использовано также несколько известных нам работ обзорного или критического характера [1–4]. Однако этот текст просто не мог бы быть написан без многочисленных бесед с нашими французскими коллегами, терпеливо вводившими нас в курс дела и давшими возможность взглянуть на научную панораму, так сказать, *in vivo*. Из многих имен, заслуживающих здесь упоминания, в первую очередь должны быть названы Pierre Attal, Jacqueline Authier-Revuz, Pierre Cadiot, Danielle Corbin, Sarah de Vogüé, Jean-Pierre Desclés, Jacqueline Fontaine, Françoise Gadet, Maurice Gross, Blanche-Noëlle Grunig, Roland Grunig, Christiane Marchello-Nizia, Denis Paillard, Stéphane Robert, Max Silberstein, Anne Zribi-Hertz, Ryszard Zuber; всем им мы приносим искреннюю благодарность. Разумеется, мы в полной мере несем ответственность за все возможные пробелы и неточности.

1. А. Кулиоли: лингвистика формы, лингвистика высказывания.

Теория А. Кулиоли, с которой мы начинаем наш обзор, может, пожалуй, считаться "самой французской" из всех существующих во Франции лингвистических теорий. Это касается как ее идейных источников, восходящих прежде всего к традициям Бенвениста и отчасти также Гийома², так и своего рода научной эстетики – внимания к формальной стороне языка, особой интеллектуальной изощренности, переходящей часто в эзотеричность, парадоксальность в соединении априорно несопоставимых и несоединимых сущностей...

Несколько слов о самом создателе теории, личность которого оказала и продолжает оказывать значительное влияние на французскую лингвистическую атмосферу. А. Кулиоли родился в 1924 г. и в начале своего научного пути (с конца 40-х до конца 50-х гг.) специализировался как филолог-англист и преподаватель английского языка. Две его диссертации, защищенные одновременно в 1960 г., носят названия "К изучению сослагательного наклонения и сочинительной связи в среднеанглийском языке" и "Драйден, переводчик Чосера и Боккаччо". Начало 60-х гг. знаменует поворот в его лингвистическом мировоззрении в сторону создания оригинальной теории языка, противопоставленной и традиционной лингвистике, и (тогда еще не вполне традиционно) структурализму. Теория эта существует под именем "формальной" или, точнее, "лингвистики формы" (*linguistique formelle*), а также "лингвистики высказывания" (*linguistique énonciative*, подробнее об этом термине см. ниже). При всем своем влиянии на современную лингвистику, Кулиоли не относится к числу так называемых "плодовитых" авторов – его теория никогда не получала законченного, догматического оформления, многие его ключевые статьи насчитывают четыре-пять страниц и только недавно были, наконец, собраны под одной обложкой [7]. Большой след во Франции оставила научно-организационная деятельность Кулиоли; тремя учреждениями, в создании которых он принимал непосредственное участие и которыми в разное время руководил, являются: университет Paris 7 (и в первую очередь его Отделение лингвистических исследований и Лаборатория формальной лингвистики³), Институт им. Кар-

² Этот явно недооцененный при жизни лингвист также не относится к числу широко известных у нас; для более подробного знакомства можно рекомендовать недавно вышедший перевод одной из его главных книг [5], с комментариями Л.М. Скрепиной, причем, едва ли не более цельное представление о духе лингвистики Гийома дает его лаконичная работа [6]. К современным более или менее "ортодоксальным" продолжателям традиций Гийома относятся, в частности, А. Joly и М. Wilmet (Бельгия) – входящие, наряду с другими гийомистами и не-гийомистами (в частности, и с А. Кулиоли), в ряд коллег известного теоретического журнала "Modèles linguistiques".

³ Более подробно о деятельности сотрудников этой лаборатории см. также обзор [8].

ла V (крупнейший центр по изучению английского языка во Франции) и Международная ассоциация по прикладной лингвистике.

Теорию Кюльоли трудно охарактеризовать исчерпывающим и доступным образом, тем более в рамках беглого обзора. Как уже было сказано, она не существует в законченном, догматическом виде; это, в числе прочего, позволяет ее последователям по-разному интерпретировать многие положения "формальной лингвистики". Тем не менее, мы рискнули бы выделить несколько ключевых идей, присутствующих во всех работах данной парадигмы: опора на форму при исследовании смысла; особый метаязык, строящийся вокруг понятия операции; учет речевой ситуации при анализе языковых единиц (отсюда другое название этой теории – *énonciative*). Языковые единицы объявляются "следами операций"; существует небольшое число базовых операций (важнейшая из них – операция "абстрактной локализации", *gerépage*), которые описываются в терминах очень абстрактного и бедного метаязыка (гораздо более абстрактного, чем, например, язык семантических представлений у А. Вежбицкой или у Ю.Д. Апресяна и И.А. Мельчука). Уровень, на котором работает А. Кюльоли, можно назвать мета-семантическим: хотя именно лексика – основной объект его теории и его аксиоматики, семантический подход к анализу лексики чужд духу его теории; классический семантический анализ для него слишком конкретен, слишком связан с контекстными эффектами и не дает возможности отвлечься от вариативности чтобы сформулировать инвариант. Принцип инварианта также является одним из ключевых (что вполне вписывается в логику "одна форма" ~ "одна операция"); именно для формулировки инварианта и предназначен абстрактный, очищенный от возмущающих факторов контекста мета-семантический уровень операций.

Как всякая теория, теория Кюльоли к одним областям языка применялась и оказывалась применима в большей степени, чем к другим. Так как эта теория дает особенно интересные результаты там, где требуется индивидуальный подход к языковой единице, встречающейся во многих контекстах и, возможно, противопоставленной другим единицам того же рода, то естественно, что чаще всего ее объектом становятся служебные лексемы: артикли, дейктические и кванторные местоимения, модальные частицы и т.п.; описание с помощью аналогичной техники допускают и грамматические показатели (при этом А. Кюльоли обращает особое внимание на так называемые транскатегориальные явления, анализ которых требует одновременного обращения к различным грамматическим категориям языка, к рассмотрению фактов разных уровней). Особый, очень своеобразный аппарат разработан А. Кюльоли для анализа явлений, связанных с референцией и номинацией (в основе его лежит понятие домена, о котором подробнее см. [8]). А. Кюльоли охотно привлекает факты разных языков (что не так уж характерно для французской лингвистической традиции); по его собственным словам, он активно владеет материалом французского, английского, итальянского, корсиканского, русского, немецкого и шведского языков, часто использует данные греческого, латинского, японского, китайского языков; профессионально интересуется описаниями языков Африки [3: 35–36]. Однако А. Кюльоли скептически относится к современной типологии, считая, что задачей лингвистики должна быть не классификация языков, а скорее объяснение различий между ними; кроме того, "индивидуалистический" пафос подхода А. Кюльоли также не поощряет поиск системных закономерностей, столь любимых, например, классическим структурализмом. Впрочем, соединение крайнего индивидуализма и крайней абстрактности и в области классификаций может давать очень своеобразные результаты. Так, А. Кюльоли было предложено, а его сотрудниками развито деление всей лексики (как именной, так и глагольной) на три универсальных класса: "расчлененные" единицы (*discrets*), "нерасчлененные", или "плотные" (*denses*) и "нечленимые", или "сплошные" (*compacts*); эта классификация обнимает и противопоставление исчисляемых ~ неисчисляемых имен, и стативных ~ динамических глаголов, и многое другое (подробнее см. [9–10]).

Как уже было сказано, у разных последователей А. Кюльоли на первый план выступают разные аспекты его теории. Наиболее близки к А. Кюльоли в теоретиче-

ском плане в настоящее время J.-J. Franckel, D. Paillard и S. de Vogue. Ж.-Ж. Франкель является специалистом по французскому языку, ему принадлежит тонкий анализ лексических и грамматических средств выражения временных отношений во французском языке [11], целый ряд работ по анализу именной и глагольной лексики французского языка (см., например, [12]), и др. Д. Пайар работает на материале как французского, так и русского языков; в области русистики он автор работ по теории залога, вида, детерминации (ср. [13; 14] и др.), по проблемам описания модальных частиц [15] и глагольной префиксации; в более общем плане, помимо указанных проблем, он также уделяет внимание описанию полисемии и изучению референциальных механизмов языка. Сходные проблемы, но на материале французского языка, находятся в круге интересов и С. де Вогюэ (см. указанные выше работы).

Целый ряд лингвистов, находясь под бесспорным воздействием теории Кюльоли, в настоящее время более или менее серьезно отклоняются от его подхода. Так, L. Danon-Boileau, опубликовавший в 1987 г. вполне "кюльолистское" по духу сопоставительное исследование фрагментов французской и английской языковых систем [16], впоследствии выступал с теоретических позиций, более близких традиционной прагматике и отмеченных сильным влиянием психоанализа (ср. [17] и др.)⁴. Следует упомянуть и С. Fuchs, также исследовавшую глагольную систему английского языка (влияние А. Кюльоли в англистике понятно) и в последнее время уделяющую много внимания прикладным аспектам лингвистики, с одной стороны, и проблемам теоретической трактовки полисемии и перифразирования – с другой (ср. [18] и получившую большой резонанс статью [19], где предлагается топологическая ("коннекционистская") модель полисемии).

2. O. Ducrot: теория аргументации. Лингвистическая прагматика.

Имя Освальда Дюкро гораздо более широко известно за пределами Франции (может быть, это самый популярный из ныне здравствующих французских лингвистов, если, конечно, не считать А. Мартине); в теоретическом отношении, однако, он несколько менее оригинален и гораздо более "интернационален", чем А. Кюльоли. Вместе с тем, влияние О. Дюкро на ряд областей лингвистики, объединяемых иногда под несколько расплывчатым названием "лингвистика текста", очень велико. Так как работы О. Дюкро и его последователей до некоторой степени известны и у нас (укажем на перевод одной из статей О. Дюкро в сб. "Новое в зарубежной лингвистике", 1982, вып. 13, с. 263–291), позволим себе лишь напомнить основные положения его концепции.

По образованию О. Дюкро является философом; лингвистическую деятельность он начал только в возрасте 33 лет, после встречи с А. Мартине. Сам он относит себя к структуралистскому направлению, полагая, что лишь расширил структуралистскую модель языка за счет коммуникативного компонента. Первые лингвистические работы О. Дюкро были посвящены анализу понятий пресуппозиции и речевого акта и отмечены сильным влиянием идей Дж. Остина и Дж. Серла; впоследствии О. Дюкро выработал собственную систему понятий и интерес его сместился в сторону изучения языковой аргументации (ср. его книги [20–23]). Так, понятие пресуппозиции уступило место понятию т о п о с а (термин заимствован у Аристотеля), определяемого как исходное предположение, служащее базой для аргументации; то или иное утверждение в языке может быть правильно или неправильно только по отношению к фиксированному топосу, а не само по себе. Важным для О. Дюкро является также понятие п о л и ф о н и и, т.е. присутствие в значении языковой единицы нескольких точек зрения, нескольких позиций, нередко конфликтующих друг с другом.

Вообще, подход О. Дюкро к анализу языка можно определить как своего рода "борьбу с языком"; по его собственному выражению, задача лингвиста заключается

⁴ Роль психоанализа как "философской составляющей" французской лингвистики (и других гуманитарных дисциплин) – особая тема, важность которой ни в коей мере нельзя недооценивать; в частности, без этого трудно понять многое в работах таких лингвистов, как M. Auvré, J.-C. Milner и др.

в том, чтобы обходить постоянно встречающиеся на его пути "ловушки языка" [3, с. 69]. Кредо О. Дюкро – обнаруживать то, что говорящий "на самом деле" имел в виду, но не сказал, и вскрывать языковые средства, которыми пользуется для этого говорящий. Лингвистика Дюкро – это лингвистика намеков, недомолвок и скрытой полемики. В плане конкретного анализа наиболее интересные результаты, как и следовало ожидать, теория Дюкро дает при описании служебной лексики, действительно используемой в языке для выражения всех тех отношений, моделированию которых О. Дюкро столь привержен; напомним, что он же является и автором емкого термина "*mots du discours*" ("дискурсивная лексика"), который впоследствии получил хождение и у лингвистов других направлений⁵. Здесь есть известная близость – главным образом, по объекту исследования – к лингвистам школы Кюльоли, также пристально интересующимся служебной лексикой; учет параметров речевой ситуации также сближает эти два направления (в этом можно видеть и общее наследие Бенвениста). Однако лингвистика Кюльоли не является лингвистикой аргументации и не имеет явных точек соприкосновения с теорией речевых актов (Кюльоли интересует скорее феномен вариативности смысла при постоянстве формы, а не прагматические цели участников диалога и способы их достижения).

Во французской лингвистике О. Дюкро не является одинокой фигурой. Его ближайший ученик и последователь – J.-C. Anscombre (ср. их совместную работу [24]; рецензия М.Ю. Михеева на эту книгу опубликована в журнале "Научно-техническая информация", сер. 2, 1988, № 10); без ссылок на О. Дюкро ныне не обходится ни один лингвист, причисляющий себя в той или иной степени к специалистам по прагматике. Данное направление (отталкивающееся как от идей Дюкро, так и от англо-американской традиции) очень широко представлено во Франции, что связано с общей "центробежностью" французской лингвистической мысли, о которой говорилось выше: исследователи охотнее осваивают смежные с лингвистикой области и теории, будь то психология, поэтика или риторика, чем остаются в классических рамках "языка в себе и для себя". Здесь можно выделить прежде всего "лионскую школу", возглавляемую С. Kerbrat-Orecchioni, специалистом по анализу диалога (*analyse conversationnelle*) [25; 26 и др.]. В принципе, в поле ее зрения находится тот же круг проблем и феноменов, что и у О. Дюкро, с несколько большим вниманием к тому, что можно было бы назвать риторическими возможностями языка (в частности, анализ диалоговых клише, форм вежливости, комплиментов и т.п.). Специалистами по прагматике в ее более традиционном понимании, уделяющими много внимания чисто философской стороне проблемы, являются А. Berrendonner (работающий в настоящее время во Фрибуре) [27] и F. Récanati (переводивший Дж. Остина и опубликовавший собственное исследование перформативных высказываний [28]). В этой связи полезно упомянуть и Женевскую школу (тесно связанную с французской лингвистической традицией), также специализирующуюся на анализе диалога и моделировании аргументативно-прагматических аспектов языка (может быть, с несколько большим уклоном в сторону логического анализа языка, о котором см. ниже). Это прежде всего E. Roulet, J. Moeschler и другие лингвисты, группирующиеся вокруг журнала "*Cahiers de linguistique française*" [29]. Дискурсивным анализом с самостоятельных позиций занимаются еще P. Charaudeau (также специалист по семиотике массовой коммуникации) [30], J. Authier-Revuz (уделяющая особое внимание метаязыковой рефлексии говорящих, анализируя, в частности, автономные употребления, процедуры самоверификации, использование кавычек на письме и т.п. – ср. [31] и др.), и многие другие авторы.

3. Наследие структурализма.

В силу естественной инерции многие считают, что структурализм, или "функционализм" (*linguistique fonctionnelle*), связанный прежде всего с именем А. Мартине,

⁵ Отметим в этой связи недавно вышедший "Путеводитель по дискурсивным словам русского языка", отразивший некоторые результаты совместной деятельности группы российских и французских лингвистов под руководством Д. Пайара

продолжает определять своеобразие современной французской лингвистики. По-видимому, в такой сильной форме это утверждение уже не верно: ведь достаточно решительный отход от парадигмы структурализма (если вспомнить, например, первые выступления А. Кюльоли) начался во Франции не позже 60-х гг., а предпосылки к возникновению этой тенденции существовали и гораздо раньше (можно ли, например, назвать структуралистом самого Э. Бенвениста?). Вместе с тем, и сегодня функционализм существует как достаточно активная научная школа, его сторонники издают собственный журнал "La linguistique", их голоса продолжают звучать и оказывать определенное влияние на лингвистическую панораму Франции.

Можно напомнить в этой связи, что А. Мартине создал весьма стройную и последовательную теорию для описания грамматической структуры языка (особенно морфологии и синтаксиса), основанную на понятиях мемы, синтагмы и др.; этот аппарат широко использовался в 60-70 гг. (но продолжает использоваться и до сих пор) во многих описаниях "экзотических" языков, особенно африканских (в свое время этому немало способствовали работы такого синтаксиста, как М. Houis [32]). Сложившись в основных чертах в 60-е гг., функциональная лингвистика продолжает существовать в практически неизменном виде, "не заметив" ни возникновения генеративизма за пределами Франции, ни новых научных тенденций в самой Франции (ср., впрочем, попытку обсуждения внутренних проблем функционализма в [33]).

Вместе с тем, можно выделить по крайней мере две области, где наследие функционализма еще вполне живо и, в том или ином преломлении, продолжает давать определенные результаты: это социолингвистика и, отчасти, психолингвистика. Это отнюдь не случайно, если вспомнить научную биографию самого А. Мартине, всегда интересовавшегося проблемами языковой вариативности (вначале преимущественно на фонологическом материале) – как географической, так и социальной и индивидуальной; отсюда – и интерес к нестандартным разновидностям языка, различным аргю, а также к изучению устной формы языка (l'oral) в ее отличии от письменной (l'écrit) – дихотомия, весьма актуальная для современной французской культурной ситуации.

Традиции функционализма в психолингвистике наиболее последовательно воплощает F. François (признанный специалист по детской речи, ср. [34] и др.), а в социолингвистике – D. François-Geiger, основавшая при университете Paris V Центр по изучению аргю (арготологии) [35]; названные авторы (а также, например, F. Bentolila, J. Boutet, M. Mahmoudian, H. Walter и др.) в той или иной степени работали и в области описания французского языка с позиций функционального подхода (ср. написанную под общей редакцией А. Мартине "Функциональную грамматику французского языка" [36]).

Социолингвистический подход (с большей или меньшей долей социологического компонента, т.е. понимаемый весьма широко) вообще достаточно популярен во Франции, в силу той же тенденции к междисциплинарным поискам. Помимо работ таких авторов, как P. Bourdieu [37] (может быть, в большей степени социолога и этнолога⁶, чем лингвиста) или P. Achard [38], соблюдающего приблизительное равенство социального и лингвистического компонента в своих работах, многочисленны исследования, посвященные преимущественно проблемам языковой политики или описанию языковых ситуаций во Франции и за ее пределами (отметим здесь, в числе многих других, достаточно хорошо известные у нас имена J.-B. Marcellesi и J.-L. Calvet).

С другой стороны, очень плодотворны направления, специально ориентированные на описание нестандартных разновидностей французского языка. Это прежде всего группа, руководимая С. Blanche-Benveniste (Экс-ан-Прованс), сотрудники которой последовательно описывают разговорный французский язык, главным образом, его синтаксический компонент, который, как известно, весьма сильно отличается от фран-

⁶ Здесь мы совсем не касаемся этнолингвистики, крайне популярной во Франции (особенно в 70-80 гг.) и связанной с именами таких исследователей, как G. Calame-Griaule, L. Bouquiaux, J. Thomas и мн. др.; более подробно о французских этнолингвистах см. обзор [37]. Этнолингвистическая идеология оказала особенно значительное влияние на практику описания языков, составления словарей "цивилизаций", и т.д.

цузского письменного синтаксиса (вплоть до структурных типологических отличий) [40]; следует упомянуть в этом ряду также интересные исследования F. Gadet по французскому просторечию [41; 42].

4. Типология и описание языков.

Как нам уже приходилось отмечать, во Франции нет крупной типологической школы, точнее – французская теоретическая лингвистика до недавнего времени была скорее чужда целенаправленному изучению разных языков ради их сопоставления (во Франции не было, так сказать, ни своего Сэпира, ни своего Шухардта). Теоретики ограничивались, как правило, рамками французского языка (в лучшем случае, использовались данные английского и, может быть, еще одного или двух известных языков). Конечно, из этого правила всегда существовали исключения (достаточно вспомнить хотя бы Кантино, бывшего, как известно, не только теоретиком структурализма, но и арабистом), однако в целом удельный вес "чужих языков" в лингвистических теориях, созданных во Франции, существенно ниже по сравнению с тенденциями научного развития, господствовавшими, например, в США (ведь лингвистику Сэпира и Блумфилда в принципе невозможно представить без иноязычного материала).

Тем не менее, ситуация в современной лингвистике медленно меняется, и само сочетание "лингвистическая типология", как кажется, утрачивает присущий ему в глазах среднего французского лингвиста английский акцент.

Теория Кюльоли, оказавшая значительное влияние и на дескриптивную лингвистику, хотя и отрицает ценность типологической классификации языков в качестве самоцели, все же – что уже является достаточно примечательным – настаивает на принципиальной необходимости и ценности привлечения лингвистического материала из самых разных языков: каждый язык обладает своим особым набором того, что А. Кюльоли называет "физико-культурными свойствами"; описание системы операций, регулирующих употребление, например, грамматических единиц в каждом конкретном языке, является привлекательной для теоретика задачей. В этой связи интересно отметить целый ряд попыток описания "экзотических" языков, выполненных – целиком или частично – в духе теории Кюльоли; в наибольшей степени отмечены проникновением "формальной лингвистики" китаистика и африканистика (укажем, например, интересные в разных отношениях – и при этом отнюдь не сходные друг с другом – работы V. Alleton [43], M.-C. Paris [44], E. Bonvini [45], S. Robert [46]).

Существуют, разумеется, лингвисты, занимающиеся сопоставлением языков в рамках других теоретических школ. Здесь можно выделить несколько групп имен. С одной стороны, это близкие к традициям структурализма С. Hagège и A. Lemairechal, с другой стороны – G. Lazard, опирающийся в значительной степени на традиции Теньера.

К. Ажеж, блестящий лектор, полиглот (в частности, автор нескольких описаний языков Центральной Африки), не чуждающийся также и популяризации языкознания, в наиболее оригинальных из своих многочисленных работ (ср., например, [47; 48]) затрагивает проблемы типологической классификации языков в зависимости от распределения одной и той же грамматической информации по разным частям речи; в центре его наблюдений лежит известный феномен функционального соответствия многих индоевропейских или уральских предлогов и превербов глагольным лексемам языков других ареалов (Африки, Юго-Восточной Азии и др.). В ряде своих последних работ К. Ажеж в некоторой степени сближается с когнитивным направлением (см. ниже), обнаруживая интерес к различным проявлениям "человеческого фактора" в языке [49; 50]. А. Лемарешаль, также уделявший большое внимание проблемам типологии частей речи [51], специализируется, главным образом, по языкам австронезийской группы; он автор грамматического описания языка палау [52].

Ж. Лазар, иранист с классическим востоковедческим образованием, в последние годы активно занимается (вместе с сотрудниками созданной им в Париже рабочей группы) проблемами выражения актантных отношений в языках мира и – шире – проблемами описания синтаксических глагольных категорий (пассив, антипассив,

интранзитив и др.) и таких явлений, как инкорпорация. Работы Ж. Лазара и его сотрудников (публикуемые в периодическом сборнике "Actances") базируются на широком типологическом материале, полученном, как правило, "из первых рук" — помимо индоевропейских и семитских языков, привлекаются языки Африки, Новой Каледонии, Южной и Юго-Восточной Азии, Южной Америки и др. ареалов; ряд важных выводов и теоретических положений обобщен Ж. Лазаром в недавно изданной книге "Актантная структура" [53]. Рассматривается, в частности, иерархия степени связанности объекта с глаголом, в рамках которой получают свое объяснение такие явления, как факультативное маркирование прямого дополнения (иранские и тюркские языки), квазиинкорпорация (полинезийские языки), настоящая инкорпорация, и др.

Результаты, полученные группой Ж. Лазара, свидетельствуют, между прочим, и о достаточной "жизнестойкости" традиционной лингвистики (в частности, лингвистики описательной); и в этой связи нельзя не назвать имена нескольких крупных представителей традиционного языкознания, внесших как свой вклад в лингвистическую теорию, так и — главным образом — оказавшими большое личное влияние на формирование нескольких поколений более молодых лингвистов (самых разных теоретических воззрений). Это семитолог и автор исследования по типологии глагольного вида D. Cohen [54], латинист и специалист по теории падежей G. Serbat [55] и, в особенности, испанист, типолог и этнолингвист B. Pottier (во многом близкий школе Гийома) [56]⁷.

Особого разговора заслуживают, кроме того, те типологические исследования, которые в последнее время ведутся в рамках специфических теоретических подходов — речь идет прежде всего о генеративной типологии и когнитивной типологии; соответствующие работы мы постараемся охарактеризовать ниже, в разделах, посвященных судьбе данных научных школ во Франции.

5. Автоматический анализ естественного языка.

Как и во всем мире, период конца 50-х — начала 60-х гг. ознаменовался во Франции взрывом прикладных исследований в области лингвистики (машинный перевод, автоматические словари, автоматическая обработка текстов); эти и другие направления прикладной лингвистики дали впоследствии импульс исследованиям в области искусственного интеллекта и информатики. Именно на этой первоначальной волне интереса к формальным методам описания языка, напомним, была основана Лаборатория формальной лингвистики А. Кюльоли (большинство сотрудников которой, впрочем, предпочли интерпретировать термин "формальный" как производный от "форма", а не от "формализация"). Между тем, в том же университете Paris 7 в 1965 г. начала работу лаборатория автоматической обработки текстов и (прикладной) лингвистики (LADL), которую возглавил Maurice Gross — ныне одна из ведущих фигур в области прикладной лингвистики и теоретической лексикографии.

М. Гросс многим известен как сторонник методов дистрибутивного анализа и последователь "школы Харриса". Действительно, он начинал свою лингвистическую деятельность под руководством З. Харриса, воспринял многое от его методов и активно способствовал пропаганде его взглядов во Франции (ср. недавний сборник [57] с обзорными статьями М. Гросса и самого З. Харриса). Однако подход М. Гросса к описанию синтаксических трансформаций характеризуется целым рядом оригинальных черт, заставляющих говорить если не о собственной теории, то по крайней мере о весьма своеобразной рецепции Харриса на французской почве. Главная из этих черт — смещение акцента с общего и регулярного в описании трансформационных механизмов языка на индивидуальное, что фактически противоречит традиционной трансформациона-

⁷ Б. Поттье выступал также и как теоретик, автор собственной лексико-грамматической концепции (и один из немногих французских лингвистов, всерьез интересовавшийся грамматической типологией), "синтемы" Поттье присутствуют в терминологическом арсенале авторов описаний "экзотических" языков немногим реже, чем "монемы" Мартине или "классемы" Греймаса.

листской идеологии. В очень огрубленном виде пафос подхода М. Гросса можно сформулировать как утверждение о том, что синтаксическое поведение каждого слова в языке индивидуально, и, желая получить сколько-нибудь подробную синтаксическую классификацию, аккуратный исследователь неизбежно выделит почти такое же количество классов, каким количеством исходных лексем он располагал: нет двух глаголов движения или двух названий инструментов с одинаковым набором синтаксических признаков. Конечно, такая высокая вариативность синтаксического поведения может быть объяснена семантически и упорядочена на некотором более высоком уровне описания, но, по убеждению М. Гросса и его сотрудников, предварительным этапом семантического исследования должно быть решение чисто дескриптивных задач. К таким задачам, например, относятся составление перечня релевантных синтаксических свойств глагольных и (с недавнего времени) именных лексем и перевод их в формат, удобный, в частности, для автоматической обработки текстов (подробнее о содержательной и технической стороне подхода М. Гросса и его сотрудников см. также обзор [58]; основные результаты М. Гросса применительно к французскому языку опубликованы в [59–61]). Сам М. Гросс и его сотрудники называют свой подход лексико-грамматическим (франц. *lexique-grammaire*, англ. *lexicon-grammar*); из сказанного выше ясна идеология, стоящая за этим названием. Основным практическим результатом деятельности LADL являются весьма тщательно и на высоком техническом уровне составленные машинные словари и компьютерные базы данных, отражающие прежде всего нестандартную сочетаемость лексем. Эта информация может быть разного типа: сюда входят и модели управления глаголов (фиксируемые, надо сказать, традиционными французскими словарями весьма непоследовательно), и фразеологизмы, и так наз. "операторные глаголы" (термин З. Харриса, приблизительно соответствующий лексическим функциям в модели "Смысл (=) Текст"). Кроме того, учитывается грамматическая информация и трансформационные свойства: например, способность глаголов образовывать различные виды пассивных, абсолютных и др. конструкций. В последнее время ряд сотрудников LADL (в частности, Gaston Gross, ранее опубликовавший исследование о французских конверсных конструкциях [62]) интенсивно занимаются описанием свойств именной лексики и композитов⁸.

В контакте с LADL работают многие специалисты по машинному переводу (в частности, L. Danlos, участвующая в создании известной системы автоматического перевода на языки Европы "Eurotra" [63], и R. Catté [64]); крупный центр по машинному переводу находится также в Гренобле (С. Boitet и др.).

Крупным организационным центром исследований в области "компьютерной лингвистики" является Ассоциация по автоматической обработке текстов (ATALA) и издаваемый ею журнал "T.A. Informations" (в деятельности которых заметную роль играют такие специалисты по лингвистике и информатике, как J.-L. Lebrave, R. Grunig, J.-P. Desclès, M. Borillo, B. Fradin и др.). Работы в области прикладной информатики, искусственного интеллекта и моделирования человеко-машинного диалога ведутся также в лаборатории LIMSI при университете Paris 11 (Orsay); помимо специалистов в области прикладных проблем взаимодействия человека с машиной, в этом центре работают и несколько теоретиков, например, G. Sabah и F. Rastier (последний более известен как специалист по семиотике и когнитивной семантике, ср. [65; 66]). О когнитивном направлении во французской лингвистике подробнее см. ниже.

6. Генеративная лингвистика.

Франция, конечно, не могла остаться полностью в стороне от общих тенденций развития лингвистики, и распространение генеративной теории Хомского по всему миру не оставило французских лингвистов безучастными. Вместе с тем, Франция ни в коей мере не является "бастионом" генеративизма в Европе – может быть, не будет

⁸ Помимо французского языка, лексико-грамматический подход используется для описания немецкого, итальянского, испанского и нек. др. языков в рамках исследовательской сети RELEX, объединяющей целый ряд лабораторий Западной Европы.

преувеличением сказать даже, что из всех европейских стран (если не считать России) она оказалась к теории Хомского наиболее равнодушна. Тому есть много причин – и в первую очередь это существование собственных очень своеобразных теоретических традиций, идущих вразрез с целым рядом ключевых постулатов теории Хомского, характеризующихся механистичностью и (до самого недавнего времени) англоцентричностью; генеративная лингвистика нередко воспринималась, пользуясь выражением А. Кюльоли, как "скорее техника описания, чем теория языка".

Тем не менее, генеративная лингвистика во Франции существует, хотя далеко не все, называющие себя генеративистами, могут быть без колебаний отнесены к числу сторонников канонической теории Хомского. Наименее ортодоксальный вариант генеративного подхода связан, пожалуй, с именем такого лингвиста, как J.-C. Milner; в своих многочисленных работах он фактически развивает собственный вариант синтаксической теории, лишь по происхождению связанный с порождающей грамматикой Хомского: общим компонентом остается едва ли не одно только признание автономии синтаксиса в модели языка и подчиненного ("интерпретирующего") характера семантики. Заметим, что эти два постулата, в общем, не противоречат магистральным тенденциям развития французской лингвистики: здесь налицо и внимание к формальным механизмам языка (в данном случае, синтаксическим конструкциям), и "отталкивание" от семантики; впрочем, Ж.-К. Мильнер признает необходимость исследования референциальных механизмов языка, пресуппозиций и других "логических" элементов. Среди разнообразных и всегда несколько парадоксальных работ Ж.-К. Мильнера, богатых тонкими синтаксическими наблюдениями (ср. его книги [67–69] и мн. др.), специалисты выделяют исследование, посвященное пассивным конструкциям [70]; заметим, что во многих своих работах общего характера Ж.-К. Мильнер опирается на традиции психоанализа (в духе Лакана), что также нельзя считать характерным для ортодоксального генеративиста (но весьма характерно для представителя французской интеллектуальной элиты 70–80 гг.)

Может быть, немного более ортодоксальным генеративистом (насколько это вообще возможно во Франции) является другой крупный исследователь, N. Ruwet. Начиная как синтаксист, автор генеративного описания французского языка [71]; ср. также его популярное пособие [72], он, впрочем, впоследствии перешел к исследованиям в области поэтики, семантики художественного текста и подобным, столь же не генеративистским, сколь и характерным для французской лингвистики темам⁹ (ср. [73; 74]). Однако вокруг Рюве сформировалась значительная научная школа¹⁰, и его более молодые ученики действительно могут быть названы генеративистами в точном смысле этого слова: объединенные, главным образом, вокруг университета Paris VIII и Группы по исследованиям в области генеративной грамматики (ее руководителем в настоящее время является Н.-Г. Obenauer), эти исследователи, в частности, единственные, насколько нам известно, работают в терминах теории управления и связывания, сменившей традиционную трансформационную порождающую грамматику. У лингвистов этого направления существует ярко выраженный интерес к типологическим исследованиям (особенно у А. Zribi-Heriz, активно занимавшейся типологией анафорических средств, в частности, на африканском материале); многие из них специализируются на генеративном описании какого-либо иностранного языка: английского (J.-Y. Pollock, J. Guéron), баскского (G. Rebuschi), румынского (C. Dobrovie-Sorin), валлийского (A. Rouveret) и др. Из работ этого направления отметим также два важных исследова-

⁹ К сожалению, тематические рамки нашего обзора заставляют нас полностью исключить из рассмотрения работы по поэтике и анализу художественного текста – традиционно один из наиболее привилегированных сюжетов у французских лингвистов и филологов; достаточно назвать такие разные имена, как M. Agnivé, G. Matore, H. Meschonnic, J. Moïno, G. Moulin и мн. др.

¹⁰ О школе Мильнера в точном смысле; говорить сложнее; тем не менее, из генеративистских исследований французского языка работы таких авторов, как, например, H. Huot [75], A. Delaveau и F. Kerleroux, достаточно близки к подходу Мильнера.

ния по общему и французскому синтаксису [76; 77], дающие представление о возможностях современной генеративной лингвистики во Франции.

Кристаллизация генеративного направления вокруг университета Paris VIII не случайна – она находится в прямой связи с деятельностью целого ряда работавших там лингвистов-германистов (например, D. Clément, специалиста по синтаксису немецкого языка, и многих других); по понятным причинам, именно германисты были основными проводниками теории Хомского во Франции. В этой связи нельзя не упомянуть деятельность В.-Н. Grunig, также сотрудничавшей в Paris VIII. Начиная как исследователь и критик теории Хомского [78], она впоследствии перешла на позиции когнитивной лингвистики, что характерно для очень многих современных лингвистов (о когнитивном направлении во Франции см. в следующем разделе). Наглядным отражением этого пути, изменений интересов (если угодно, изменений лингвистической "моды") служил журнал "DRLAV – Revue de linguistique", издававшийся до недавнего времени университетом Paris VIII (ныне этот, один из лучших, может быть, французских лингвистических журналов, к сожалению, прекратил свое существование).

З а м е ч а н и е. Трудно удержаться и не сказать несколько слов о поразительном разнообразии французской лингвистической периодики. Нам известно около 30 изданий, выходивших в 70–90 гг. (большинство из них продолжает выходить и до сих пор), и без хотя бы беглого знакомства с ними невозможно составить адекватного представления о лингвистической панораме Франции. Помимо хорошо известных "академических" изданий с прочной репутацией "Langages" и "Langue française" (выходящих монотематическими выпусками), а также несколько более традиционалистских "Bulletin de la Société de linguistique de Paris" и "Cahiers de lexicologie", упомянем посвященные в основном современному французскому языку (но с большей долей теоретических материалов) "Le français moderne" и "L'information grammaticale" (последний также помещает материалы по вопросам практического преподавания). Работы школы М. Гросса публикуются, главным образом, в очень содержательных "Linguisticae investigationes"; "Modèles linguistiques", журнал по общей теории языка, ближе к традициям школы Гийома и школы Кюльоли. Издаваемый в Нантере (университет Paris X) динамичный журнал "LINX", помимо самых разнообразных статей по общему языкознанию и типологии, помещает много материалов по социолингвистике и прикладной лингвистике. Наконец, выделяется своей индивидуальностью новый журнал "Le gré des langues" (гл. ред. S. de Vogüé), основной (хотя и не единственной) своей задачей провозгласивший, вполне в духе французской научной идеологии, изучение языка с позиций других наук и профессий, поскольку язык "не является собственностью одних только лингвистов". Все это – журналы только парижские, но не последнюю роль в лингвистической жизни Франции играют журналы и периодические сборники, издаваемые университетами Тулузы и Экс-ан-Прованса, Метца, Страсбурга и Лилля, Безансона и Ренна... Существуют, кроме того, специальные издания по социолингвистике ("Langues et société", "Mots"; много статей по социолингвистике публикует также функционалистская "La linguistique"), типологии ("Faits de langues"), истории языкознания ("Histoire, épistémologie, langage"), искусственному интеллекту ("Intellectica"), семиотике, контрастивной лингвистике и теории перевода, журналы по африканистике, славистике, востоковедению, и т.д., и т.п.

Наконец, было бы несправедливо не назвать по крайней мере три франкоязычных издания, выходящих за пределами Франции, но достаточно прочно интегрированных во французскую лингвистику: швейцарские "Cahiers de linguistique française" [Женева], бельгийские "Travaux de linguistique" [Гент] и канадское "Revue québécoise de linguistique" [Монреаль].

7. Когнитивная лингвистика.

Хотя направление, объединенное здесь под общим названием "когнитивная лингвистика", в теоретическом отношении следует в основном за такими американскими авторами, как Р. Лапгэкер, Т. Гивон или Р. Джэккендофф, и оно также достаточно неоднородно и включает в себя немало исследователей, работающих различными методами и решающих разные задачи. (Отчасти это объясняется и тем, что когнитивный подход сейчас в моде, и кто-то просто использует научную фразеологию этого направления, продолжая, по существу, делать то же, что и раньше.)

Общим для всех представителей когнитивного подхода является стремление объяснить наблюдаемые в разных языках феномены организации языковых элементов и поиск таких объяснений в сфере психологии, в частности – психологии интеллектуальной деятельности. Отсюда – апелляция к таким понятиям, как "память" и "внимание"

при описании, например, анафорических механизмов, или широкая эксплуатация понятия метафоры (отчасти с легкой руки Дж. Лейкоффа).

Таким образом, когнитивные лингвисты нередко работают в контакте с психологами и психолингвистами, которые со своей стороны в той или иной степени испытывают интерес к языковым фактам; во Франции это прежде всего G. Denhière, D. Dubois, J.-F. Richard и др. Однако пространство между психологией и лингвистикой еще остается очень значительным, несмотря на встречные попытки сблизить эти две науки.

Среди когнитивных лингвистов выделяется направление, работы которого связаны с идеей пространственной метафоры: это, с одной стороны, G. Fauconnier (ныне работающий в США), исследующий скорее общие закономерности метафоризации смысла [79], и, с другой стороны, С. Vandeloise (бельгиец, ныне также работающий в США) и группа под руководством А. Borillo (Тулуза), разрабатывающие пространственную модель французского языка на материале, в частности, пространственных предлогов (ср. [80]; работы А. Борилло и ее сотрудников публикуются в журнале "Cahiers de grammaire", Toulouse). "Когнитивность" подхода здесь диктуется прежде всего самим материалом и проявляется, главным образом, в стремлении разграничить физические свойства объектов и их концептуализацию в языке: так например, исследователя интересуют не всякие объекты, имеющие высоту, а лишь такие, высота которых отражается в сочетаемости с определенными предлогами, то есть, является лингвистически релевантной. Иными словами, для подтверждения той или иной физической характеристики объекта нужно всякий раз искать то, что А. Вежбицка называет *linguistic evidence* [81] (позиция Вежбицкой, действительно, во многом близка подобному подходу, хотя слова "когнитивный" она старается избегать).

Особое место внутри когнитивного направления занимает J.-P. Desclés. По образованию математик, он, заинтересовавшись математической лингвистикой и защитив диссертацию по проблемам формализации трансформационной грамматики, сблизился с А. Кюльоли, предложив некоторый математический аппарат и для формализации "формальной лингвистики" [82]. В дальнейшем Ж.-П. Декле стал использовать математический аппарат аппликативной грамматики (впервые предложенный американцем Х.Б. Карри в 1958 г. под названием "комбинаторная логика"), причем особое внимание он обращал на возможность формального описания глагольных категорий естественного языка (прежде всего, естественно, вида и времени) с целью создания когнитивной типологии, использующей, наряду с математическим, также элементарный психологический аппарат: ср. прежде всего [83], а также [84]. (Ряд положений данного подхода реализован также в исследовании З. Генчевой [85] на материале болгарского языка.) Наиболее интересные, с нашей точки зрения, результаты получены Ж.-П. Декле при описании пассива и рефлексива; в частности, с помощью целого ряда аргументов убедительно показаны несимметричность активных и пассивных конструкций, первичность безагентивного пассива по сравнению с агентивным, необходимость семантической классификации глагольных лексем для решения проблемы запретов на пассивизацию, и др. (см. указанную выше литературу, а также специальную статью [86]).

В последнее время когнитивная парадигма притягивает все большее количество исследователей; в этом плане характерна серия публикаций такого авторитетного специалиста, как G. Kleiber (Страсбургский университет), посвященных проблемам категоризации и теории прототипа (и содержащих, в частности, полемику с известной концепцией Э. Рош – ср. [87]). Ж. Клейбер известен и как специалист по логике и теории референции (среди его работ – исследования по именам собственным [88], проблемам детерминации и артикля [89], и др.). Строго говоря, работы Ж. Клейбера было бы уместно рассматривать в непосредственно следующем разделе, посвященном логико-семантическому направлению во французской лингвистике – направлению, одним из ведущих представителей которого он является. Однако экспансия когнитивного подхода такова, что границы между разными теоретическими школами иногда смещаются.

8. Логический анализ языка и семантика.

Внутри этого направления прежде всего выделяются исследователи, близкие непосредственно к математической логике и интересующиеся возможностями применения того или иного математического аппарата к фактам естественного языка (об опытах такого рода Ж.-П. Декле, но в рамках когнитивного подхода, говорилось выше). Помимо уже упоминавшегося Ж. Клейбера, одним из ведущих исследователей в этой области считается R. Martin; он выступает, главным образом, как специалист по логическому анализу лексики (отметим его работу, посвященную антонимии и другим отношениям между лексемами [90], а также более общее исследование, затрагивающее лингвистические аспекты модальной логики [91]). Кроме того, Р. Мартен занимался историей французского языка (в частности, историей глагольных категорий) и общими проблемами французской лексикографии; в настоящее время он возглавляет Национальный институт французского языка (INALF) и руководит работами по завершению многотомного Словаря французского языка XIX–XX вв. "Trésor de la langue française" (до него этот пост занимал В. Quémada).

Р. Мартен и Ж. Клейбер, несмотря на некоторое различие в подходах (в частности, более "когнитивную" ориентацию последнего) могут быть оба отнесены к "страсбургской семантической школе", давшей немало исследователей (из которых может быть упомянут, например, M. Riegel). Характерными особенностями страсбургской школы являются: внимание к лексическим элементам языка, анализ отношений между лексемами с учетом как аппарата логики/теории референции, так и традиционной семантики и лексикографии; здесь часто проявляется тот же вкус к индивидуальному в языке и та же тонкость наблюдений, которые мы встречали и у представителей других школ и течений (например, у Ж.-Ж. Франкеля или А. Борилло)¹¹.

Помимо представителей "страсбургской школы", существует немало других лингвистов, изучающих язык с позиций логики или в рамках формально-логической проблематики. Это, например, M. Galmiche (+1992), специалист по грамматике Монтегю [93], которому принадлежат также публикации по теории лингвистических моделей, современным семантическим теориям языка и др.; другим популяризатором теории Монтегю во Франции является M. Chambreuil. Близкий к когнитивному направлению F. Nef является автором работ по интенциональной семантике, теории референции и общим проблемам логического анализа естественного языка (ср. [94; 95] и др.). Наконец, к лингвистам, которые активно используют в своих работах логический аппарат (но являются лингвистами в большей степени, чем логиками), можно отнести таких исследователей, как R. Zuber (специализирующийся, в частности, на изучении пресуппозиций, имплицатур и других неявных компонентов смысла [96]) и J. Jayez (исследующий, главным образом, логические слова и коннекторы). Изучением свойств отрицания (прежде всего, на материале французского языка) активно занимаются P. Attal и Cl. Muller [97; 98].

Отметим здесь одну особенность французской лингвистики, о которой мы уже отчасти упоминали раньше: французской лингвистической традиции, в общем, чужда классическая семантика (в том виде, как она существует в других странах, ассоциируясь с именами А. Вежбицкой, Ю.Д. Апресяна, Ч. Филлмора или Дж. Лайонза). Конечно, работы отдельных лингвистов во Франции очень близки к тому, что без колебаний можно было бы назвать "чистой" семантикой (в первую очередь, это Р. Мартен и Ж. Клейбер), но на общем фоне они являются скорее исключением, чем правилом. Изучение содержательной стороны языковых единиц во Франции превраща-

¹¹ Говоря о традициях логического анализа языка во Франции, нельзя обойти стороной такую фигуру, как J.-В. Гизе. Хотя этот исследователь работает в Швейцарии (Нешател), он тесно связан с французской научной школой. В круге его интересов – логический анализ языка [92], теория аргументации, психология (он является одним из издателей и комментаторов Пиаже), социология, прикладная лингвистика. Его теория "ментальных операций" в некоторых отношениях созвучна взглядам А. Кюльоли, последний и сам признавал определенную преемственность по отношению к Ж.-Б. Гризу.

ется в исследование прагматики, дискурсивный анализ, психолингвистику, поэтику, риторiku и т.д., и т.п. – но неизменно выходит за пределы языка как такового, приобретая дополнительную нагрузку. Здесь проявляется та самая "центробежность" французских лингвистических теорий, о которой мы много говорили в начале. Любопытно, что даже само слово "семантика" является (как и слово "типология") далеко не самым частотным в терминологическом арсенале французских лингвистов; и если мы встречаем (немногочисленные) книги с названием "La sémantique" (без дополнительных определений), то оказывается, что автором одной из них является литературный критик и специалист по истории языкознания G. Mounin, а автором другой – японист и этнолингвист I. Tamba... Пожалуй, гораздо более характерным для мироощущения французских лингвистов следует считать название книги Б.-Н. Грюниг и Р. Грюнига "La fuite du sens" [99], что можно перевести как "Бегство смысла" или "Ускользающий смысл" (книга посвящена прагматическим аспектам построения диалога)¹². На этом фоне вовсе не удивительными покажутся работы в которых необходимость или эффективность семантических исследований отрицается в принципе или, по крайней мере, подвергается серьезным методологическим сомнениям. Одним из ярких представителей такого подхода является P. Attal: его недавняя статья [100], например, фактически возрождает некоторые методологические постулаты американского бихевиоризма с его принципиальным неприятием "ускользающей" семантики как объекта лингвистического исследования: характерно и скептическое отношение этого автора к понятию семантической правильности, к использованию отрицательного языкового материала и "лингвистическому эксперименту" (подобные взгляды разделяют многие французские лингвисты, считающие, что все языковые образования, в том числе и "аномальные" с какой-то точки зрения, имеют равное право на внимание исследователя и, так сказать, равный лингвистический статус; эта позиция близка, в частности, многим представителям школы Дюкро и школы Кюльоли).

И все-таки, по крайней мере еще одно имя специалиста по лексической семантике мы можем назвать. Это P. Cadiot, очень своеобразный исследователь, не причисляющий себя ни к одному из крупных течений современной французской лингвистики (если не считать его осторожного интереса к возможностям когнитивного подхода). По образованию германист (он также работает в университете Paris VIII), хорошо знакомый с немецкой и американской лингвистическими традициями, основное внимание П. Кадьо в последние 5–7 лет уделяет исследованию предлогов французского языка; он автор очень насыщенной монографии о слове *rouge* [101], а также целого ряда статей, посвященных предлогам *avec*, *à*, *de* и др.

В основе подхода П. Кадьо лежит идея моносемии предлогов, однако центр тяжести в его исследованиях приходится не столько на установление семантического инварианта (отметим, что при его формулировании автор стремится избегать особого усложненного метаязыка и эзотерической терминологии, характерной, например, для школы Кюльоли), сколько на описание различных контекстных модификаций, а также контрастивное описание близких по значению предлогов и/или предложных конструкций. П. Кадьо описывает как конструкции вида "глагол + предлог + существительное", так и конструкции вида "существительное + предлог + существительное", причем в обоих случаях он уделяет самое пристальное внимание семантическому вкладу существительного в интерпретацию конструкции. П. Кадьо, так же, как и другие лингвисты, занимающиеся в последнее время этой проблематикой, обращает внима-

¹² Более или менее изолированное положение, как и во многих других странах, занимает во Франции, практическая лексикография с ее богатой и длительной традицией: достаточно напомнить о словарях издательства "Robert" (A. Rey и J. Rey-Debove) или "Larousse" (J. Dubois и др.), не говоря уже об этимологических словарях, словарях арго и мн. др. (см. об этом также выше, в разделе 5). Впрочем, и Алан Рей, и Жан Дюбуа внесли свой вклад в теорию лексикографии, а последний в 70 гг. занимался также синтаксисом французского языка (в духе отчасти близкого генеративному подходу), он же, участвуя в работе LADL (см. раздел 6), уделял внимание проблемам создания машинных словарей.

ние на необходимость выделения лингвистически релевантных признаков существительных, формирующих интерпретацию предложной конструкции: например, на употребление предлога *à* в инструментальном значении, в отличие от предлога *avec*, влияет узуальный/"канонический" характер использования соответствующего объекта (ср. отчасти сходное противопоставление предлога *на* и творительного падежа без предлога в русском языке: *драться на шпагах/шпагами, но драться палками!** на палках). Можно заметить, что подход П. Кадьо отчасти смыкается с подходом группы А. Борилло, но работы А. Борилло и ее коллег в существенно большей степени ориентированы на автоматический анализ текста и формализацию; работы же П. Кадьо более "лингвистичны" и более богаты нетривиальными семантическими наблюдениями.

П. Кадьо является одним из наиболее активных членов межуниверситетской группы SILEX по изучению лексики, с центром в университете Лилля (группу возглавляет D. Corbin, специалист по словообразованию и генеративной морфологии); в организационном отношении эта группа (а также ассоциация CELEX при университете Paris III) объединяет большинство специалистов по теоретической лексикологии и лексикографии, работающих во Франции и даже за ее пределами (в SILEX входят лингвисты из Бельгии, ФРГ, Нидерландов и др. стран). Из членов этой группы упомянем еще А.-М. Berthonneau (Лилльский университет), которая также занимается изучением предлогов французского языка (преимущественно связанных с выражением временных отношений), а также исследованием обстоятельств времени в предложении. Под общей редакцией А.-М. Бертонно и П. Кадьо было выпущено несколько интересных сборников, посвященных анализу французской предложной лексики (ср. [102; 103]).

Вообще, интерес к служебной лексике в современной французской лингвистике, видимо, не случаен: нам уже приходилось отмечать особую приверженность авторов, работающих в рамках теории Кюльоли, именно к этому классу слов; но служебные слова описывают и представители других теоретических направлений. Складывается впечатление, что французская лингвистика переживает своего рода бум, связанный со служебной лексикой (отчасти напоминающий тот, который имел место и у нас в начале 80-х гг.). Назовем лишь несколько имен (часть из них уже знакома читателю): J.-J. Franckel и S. de Vogüé (школа Кюльоли), D. Paillard (школа Кюльоли – на французском и русском материале), O. Ducrot и J.-C. Anscombre (прагматический подход – теория аргументации), J. Jayez (логический анализ), A. Borillo (когнитивный подход), P. Cadiot и А.-М. Berthonneau (лексико-семантический анализ), D. Leeman (формальный синтаксис) и др. Интерес к этой теме, хотя и обусловлен внутренними особенностями развития французской лингвистики, все же, видимо, является преходящим; между тем, удивительным образом постоянным остается интерес к совсем другой области – истории самой лингвистики. К рассмотрению этого направления, завершающего наш обзор, мы и переходим.

9. История лингвистики.

Действительно, тот интерес, который вызывает во Франции изучение не языка, но самой науки о языке, истории лингвистических идей, имеет мало аналогов за ее пределами: едва ли будет большим преувеличением сказать, что на одного лингвиста во Франции приходится два специалиста по истории лингвистики; исторические изыскания неизменно вызывают интерес и сочувствие самой широкой "гуманитарной" аудитории. Отчасти это объясняется реальным теоретическим богатством французского (и нефранцузского) лингвистического прошлого, отчасти же – тем самым индивидуалистически-неконформистским духом, который так характерен для современной научной атмосферы Франции и делает невозможным господство какой-то одной теории: для усиления теоретического многообразия, для поиска союзников и полемики с противниками используется не только настоящее, но и прошлое.

Как кажется, три темы пользуются наибольшей популярностью у историков науки (многие из них, впрочем, – активно работающие и в области современной науки линг-

висты). Это, прежде всего, конечно, французская лингвистика на разных ее этапах; во-вторых, это генеративная лингвистика и в-третьих, это... русская и советская лингвистика 20–30 гг. (условно говоря, от Якобсона до Марра, сколь бы странным нам ни казалось соединение этих двух имен).

Из специалистов по истории французской лингвистики прежде всего следует упомянуть патриарха этого направления J.-C. Chevalier (также специалист по истории французского языка и преподаванию языка, много сделавший для реформы университетского лингвистического образования в 60-е гг.). Исторические исследования Ж.-К. Шевалье касаются, главным образом, грамматических концепций средневековья и эпохи Просвещения. Одним из ведущих авторов в данной области считается философ и историк S. Augoux, главный редактор специализированного философско-лингвистического (!) журнала "Histoire, épistémologie, langage" (издаваемый обществом по изучению истории и эпистемологии наук о языке – ESHEL). С. Ору – автор нескольких философских словарей, а также двухтомной "Истории лингвистических идей" [104]¹³; целый ряд его более частных работ посвящены лингвистическим взглядам французских энциклопедистов.

Из очень многих исследователей, профессионально занимающихся историей французской лингвистики, упомянем еще хотя бы такие имена, как В. Cerquiglini (история французского языка и французской филологии), С. Buridant (история грамматических концепций, история французской орфографии), Р. Corbin (история французской лексикографии), Н. Huot (история возникновения структурной лингвистики во Франции), F. Gadet (Соссюр и его концепция). Многие из специалистов по истории французской лингвистики являются, вслед за Ж.-К. Шевалье, также исследователями проблем, связанных с преподаванием французского языка в средней и высшей школе (Н. Huot, S. Delesalle и др.), но здесь мы уже вторгаемся в другую область...

Что касается лингвистических взглядов Хомского, то они, по понятным причинам, всегда вызывали пристальный и, может быть, несколько ревнивый интерес во Франции. Целый ряд лингвистов самых разных направлений занимались изучением генеративной лингвистики; отметим три монографии, специально посвященные критике (разной степени остроты и глубины) теории Хомского, преимущественно на ранних ее этапах (о современных французских генеративистах см. выше, в разделе 7): их авторы – такие несходные друг с другом лингвисты, как В.-N. Grunig [78], С. Hagège [105] и А. Bertendonner [106].

Эпоха зарождения структурализма также привлекает (и, видимо, еще будет привлекать) внимание исследователей. Здесь понятен интерес к Пражскому лингвистическому кружку (J. Fontaine), к личностям Трубецкого и Якобсона (M. Viel, F. Gadet); более парадоксальным может показаться интерес к Марру (R. L'Hermitte, F. Gadet); впрочем, данная эпоха часто анализируется в общем контексте изучения "советского дискурса" – тема, привлекавшая немало исследователей-русистов, таких, в частности, как Р. Seriot, J. Breuillard и др. Мы обозначили здесь, конечно, лишь некоторые области, интересующие французских лингвистов, пишущих о лингвистике, но даже из этого беглого перечня виден необычайно большой удельный вес данной темы в целом.

¹³ Рецензии Н.Ю. Бокадоровой на эту работу опубликованы в Изв. АН СССР, СЛЯ, 1990, т. 50, № 6 (том I) и Изв. АН СССР, СЛЯ, 1993, т. 53, № 4 (том II).

Такова панорама французской лингвистики – пестрая, противоречивая, постоянно меняющаяся; и как бы то ни было, можно с уверенностью сказать, что Франция будет последней страной, где восторжествует научная монополия какой-нибудь "единственно верной" лингвистической (или нелингвистической) теории...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Grunig B.-N. Rapport sur la linguistique // Mission sur les sciences de l'homme et de la société. P., 1982.
2. De Vogüé S. La transitivité comme question théorique: querelle entre la Théorie des Positions de J.-C. Milner et la Théorie des Opérations Prédicatives et Énonciatives d'A. Culioli // LINX, 1991, N 24.
3. López Alonso C., Sere de Olmos A. Où en est la linguistique? Entretiens avec des linguistes (A. Culioli, O. Ducrot, P. Charaudeau, F. Rastier, J.-P. Bronckart, M. Molho, I. Tamba, S. Fisher). P., 1992.
4. Les sciences du langage en France au XX siècle / Ed. par Pottier B. P., 1992.
5. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Пер. с франц. М., 1992.
6. Guillaume G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. P., 1975.
7. Culioli A. Pour une linguistique de l'énonciation: Opérations et représentations. T. 1. P., 1990.
8. Паунзьян В.А. О работах группы формальной лингвистики Парижского университета VII // ВЯ, 1988, № 5.
9. De Vogüé S., Discret, dense, compact: les enjeux énonciatifs d'une typologie lexicale // La notion de prédicat / Ed. par Franckel J.-J. P., 1989.
10. Franckel J.-J., Paillard D. Discret, dense, compact: vers une typologie opératoire // Travaux de linguistique et de philologie, 1991. V. XXIX.
11. Franckel J.-J. Étude de quelques marqueurs aspectuels du français. Genève, 1989.
12. Franckel J.-J., Lebaud D. Les figures du sujet: A propos des verbes de perception, sentiment, connaissance. P., 1990.
13. Paillard D. Énonciation et détermination en russe contemporain. P., 1984.
14. Пайяр Д. К теории перфективизации // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
15. Les particules énonciatives en russe contemporain / Ed. par Paillard D. P. V. 1 – 1986. V. 2–3. 1987.
16. Danon-Boileau L. Énonciation et référence. P., 1987.
17. Danon-Boileau L. Le sujet de l'énonciation: Psychanalyse et linguistique. P., 1987.
18. Fuchs C. La paraphrase. P., 1982.
19. Victorri B., Fuchs C. Construire un espace sémantique pour représenter la polysémie d'un marqueur grammatical: l'exemple de *encore* // Lingvisticae investigationes, 1992, V. XVI, N 1.
20. Ducrot O. Dire et ne pas dire. P., 1972.
21. Ducrot O. et al. Les mots du discours. P., 1980.
22. Ducrot O. Le dire et le dit. P., 1985.
23. Ducrot O. Logique, structure, énonciation. P., 1989.
24. Ducrot O., Anscombe J.C. L'argumentation dans la langue. Bruxelles, 1983.
25. Kerbrat-Orecchioni C. L'implicite. P., 1986.
26. Kerbrat-Orecchioni C. Les interactions verbales. P., 1990.
27. Berrendonner A. Éléments de pragmatique linguistique. P., 1982.
28. Récanati F. Les énoncés performatifs: Contribution à la pragmatique. P., 1981.
29. Moeschler J. Modélisation du dialogue: Représentation de l'interférence argumentative. P., 1989.
30. Charaudeau P. Langage et discours: Éléments de sémiolinguistique, théorie et pratique. P., 1983.
31. Authier-Revuz J. La non-coïncidence interlocutive et ses reflets méta-énonciatifs // L'interaction communicative / Ed. par Berrendonner A., Parret H. Bern, 1990.
32. Houis M. Étude descriptive de la langue susu. Dakar, 1964.
33. Linguistique fonctionnelle: Débats et perspectives. Pour A. Martinet / Ed. par Mahmoudian M. P., 1979.
34. François F. Conduite linguistique chez le jeune enfant. P., 1984.
35. François-Geiger D. L'argoterie: Recueil d'articles. P., 1989.
36. Grammaire fonctionnelle du français / Ed. par Martinet A. P., 1984.
37. Кабакова Г.И. Французская этнолингвистика - проблематика и методология // ВЯ, 1993, № 6.
38. Bourdieu P. Ce que parler veut dire: L'économie des échanges linguistiques. P., 1982.
39. Achard P. Sociologie du langage. P., 1993.

40. *Blanche-Benveniste C.* et al. *Le français parlé: Etudes grammaticales.* P., 1990.
41. *Gadet F.* *Le français ordinaire.* P., 1989.
42. *Gadet F.* *Le français populaire.* P., 1992.
43. *Alleton V.* *Les auxiliaires de mode en chinois contemporain.* P., 1984.
44. *Paris M.-C.* *Linguistique générale et linguistique chinoise: Quelques exemples d'argumentation.* P., 1989.
45. *Bonvini E.* *Prédication et énonciation en Kasim.* P., 1988.
46. *Robert S.* *Approche énonciative du système verbale: Le cas du wolof.* P., 1991.
47. *Hagège C.* *Le problème linguistique des prépositions et la solution chinoise.* P., 1975.
48. *Hagège C.* *La structure des langues.* P., 1986.
49. *Hagège C.* *L'homme de parole: Contenu linguistique aux sciences humaines.* P., 1986.
50. *Hagège C.* *The language builder: An essay on the human signature in linguistic morphogenesis.* Amsterdam, 1992.
51. *Lemaréchal A.* *Les parties du discours: Sémantique et syntaxe.* P., 1979.
52. *Lemaréchal A.* *Problèmes de sémantique et de syntaxe en palau.* P., 1991.
53. *Lazard G.* *L'actance.* P., 1993.
54. *Cohen D.* *L'aspect verbal.* P., 1989.
55. *Serbat G.* *Cas et fonction: Etude des principales doctrines casuelles du Moyen Age à nos jours.* P., 1981.
56. *Pottier B.* *Théorie et analyse en linguistique.* P., 1992.
57. *Les grammaires de Harris et leurs questions / Ed. par Daladier A.* P., 1990 (Langages, N 99).
58. *Рахилина Е.В.* *Лексические базы данных LADL – автоматизация французского синтаксиса (обзор) // ИТЛ, сер. 2, 1993, № 5.*
59. *Gross M.* *Grammaire transformationnelle du français: Syntaxe du verbe.* P., 1986.
60. *Gross M.* *Grammaire transformationnelle du français: Syntaxe du nom.* P., 1986.
61. *Gross M.* *Grammaire transformationnelle du français: Syntaxe de l'adverbe.* P., 1986.
62. *Gross G.* *Les constructions converses du français.* Genève, 1989.
63. *Danlos L.* *The linguistic basis of text generation.* Cambridge, 1987.
64. *Gross M., Carré R.* et al. *Langage humain et machine.* P., 1991.
65. *Rastier F.* *Sémantique et recherches cognitives.* P., 1991.
66. *Rastier F.* *Ecrits choisis (1985–1990).* P., 1991.
67. *Milner J.-C.* *De la syntaxe à l'interprétation: Quantités, insultes, exclamations.* P., 1978.
68. *Milner J.-C.* *L'amour de la langue.* P., 1978.
69. *Milner J.-C.* *Introduction à une science du langage.* P., 1989.
70. *Milner J.-C.* *Introduction à un traitement du passif.* P., 1986.
71. *Ruwet N.* *Théorie syntaxique et syntaxe du français.* P., 1972.
72. *Ruwet N.* *Introduction à la grammaire générative.* P., 1989.
73. *Ruwet N.* *Langage, musique, poésie.* P., 1972.
74. *Ruwet N.* *Grammaire des insultes et autres études.* P., 1982.
75. *Huot H.* *Constructions infinitives du français: Le subordonnant "de",* Genève, 1981.
76. *Picabia L., Zribi-Hertz A.* *Découvrir la grammaire française: Une introduction active à la linguistique française et générative.* P., 1981.
77. *Structure de la phrase et théorie du liage / Ed. par Obenauer H.-G., Zribi-Hertz A.* St.-Denis, 1990.
78. *Grunig B.-N.* *La clôture chomskyenne* P., 1981 (DRLAV, N 24).
79. *Fauconnier G.* *Espaces mentaux: Aspects de la construction du sens dans les langues naturelles.* P., 1984.
80. *Vandeloise C.* *L'espace en français.* P., 1986.
81. *Wierzbicka A.* *Lexicography and conceptual analysis.* Ann Arbor, 1985.
82. *Culioli A., Desclés J.-P.* et al. *Systèmes de représentations linguistiques et métalinguistiques.* P., 1981.
83. *Desclés J.-P.* *Langages applicatifs, langues naturelles et cognition.* P., 1990.
84. *Desclés J.P., Guentchéva Z., Shaumyan S.* *Passivization in applicative grammar.* Amsterdam, 1985.
85. *Guentchéva Z.* *Temps et aspect: L'exemple du bulgare contemporain.* P., 1990.
86. *Desclés J.-P., Guentchéva Z.* *Le passif dans le système des voix du français // Langages, 1993, N 109.*
87. *Kleiber G.* *La sémantique du prototype: Catégorie et sens lexical.* P., 1990.
88. *Kleiber G.* *Problèmes de référence: Descriptions définies et noms propres.* P., 1981.
89. *Kleiber G.* *L'article LE générique: La généralité sur le mode massif.* Genève, 1990.
90. *Martin R.* *Inférence, antonymie et paraphrase: Eléments pour une théorie sémantique.* P., 1976.
91. *Martin R.* *Pour une logique du sens.* P., 1992.
92. *Grize J.-B.* *Logique et langage.* P., 1990.
93. *Galmiche M.* *Sémantique linguistique et logique: Un exemple: la théorie de R. Montague.* P., 1991.
94. *Nef F.* *Logique et langage: Essai de sémantique intensionnelle.* P., 1988.

95. Nef F. Logique, langage et réalité. P., 1991.
96. Zuber R. Implications sémantiques dans les langues naturelles. P., 1989.
97. De la syntaxe à pragmatique / Ed. par Attal P., Muller Cl. Amsterdam, 1984.
98. Muller Cl. La négation en français: Syntaxe, sémantique et éléments de comparaisons avec les autres langues romanes. Genève, 1991.
99. Grunig B.-N., Grunig R. La fuite du sens: La construction du sens dans l'interlocution. P., 1985.
100. Attal P. Peut-on parler du sens? // Le gré des langues, 1992, N 4.
101. Cadiot P. De la grammaire à la cognition: La préposition POUR. P., 1991.
102. Prépositions, représentations, référence / Ed. par Berthonneau A.-M., Cadiot P. P., 1991 (Langue française, N 91).
103. Les prépositions: problématiques, applications / Ed. par Berthonneau A.-M., Cadiot P. Lille, 1992 (Lexique, N 11).
104. Auroux S. Histoire des idées linguistiques. Bruxelles, 1992, t. 1-2.
105. Hagege C. La grammaire générative, réflexions critiques. P., 1976.
106. Berrendonner A. Cours critique de grammaire générative. Lyon, 1983.